

Бен Х. Уинтерс
Последний полицейский
Серия «Platinum. Звезды фантастического детектива»
Серия «Последний полицейский», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14181682
Бен Х. Уинтерс. Последний полицейский: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-089051-4

Аннотация

К Земле летит огромный астероид, до столкновения осталось шесть месяцев. Цивилизация на грани распада. Государство постепенно теряет контроль над населением, люди массово бросают работу. Но не детектив Генри Хэнк Пэлас. Выехав на очередное самоубийство в городе, где ежедневно десятки человек сводят счеты с жизнью, он понимает, что с этим делом что-то не так, и начинает расследование – но как раскрыть преступление в мире, где всем уже всё равно?

Такой истории вы еще не читали: полицейский детектив в духе Дэнниса Лихэйна и Ю Несбё накануне Апокалипсиса, пронзительный нуар, ставший одной из главных литературных сенсаций последних трех лет, в котором сочетаются увлекательный сюжет, полный самых неожиданных поворотов, и первоклассная проза. Что станет делать каждый из нас перед лицом неизбежного конца света?

Содержание

Часть первая	6
1	7
2	15
3	22
4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Бен Х. Уинтерс

Последний полицейский

Эндрю Уинтерсу из конкордских Уинтерсов

Даже высшему рационалисту – Вольтеру – чисто рассудочное самоубийство представлялось чудовищным и несколько гротескным, как комета или двухголовая овца.

А. Альварес. Свирепый бог

*И медленный, медленный поезд
Проходит поворот.*

Боб Дилан. Медленный поезд

*Ben H. Winters
The Last Policeman*

© 2012 by Ben H. Winters. First published in English by Quirk Books, Philadelphia, Pennsylvania

© Галина Соловьева, перевод, 2015

© Дарья Кузнецова, иллюстрация, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Лауреат премии «Эдгар» за лучший детектив
Одна из лучших книг 2012 года по версии сайта «Amazon»

«Последний полицейский», странная, красивая и пронзительная книга, один из моих самых любимых детективов.

Джон Грин, автор романов «Винноваты звезды» и «Бумажные города»

Сюжет «Последнего полицейского» ни разу не сбивается с ритма и полон неожиданных поворотов... Бен Уинтерс – это настоящий мастер детали.

Slate

Надо сразу уточнить, что «Последний полицейский» – это не научная фантастика, а криминальный, детективный роман. Уинтерс проделал большую работу, и все полицейские процедуры и методики расследования показаны им, а не объяснены... Этот роман – увлекательная история с прекрасно организованным и волнующим сюжетом.

Wired

Я читала эту книгу до семи утра, потому что не могла остановиться. Полный захватывающих сюжетных поворотов, интересных, вызывающих

сочувствие персонажей и печальной красоты, «Последний полицейский» – это настоящая жемчужина среди детективов.

San Francisco Book Review

Эта книга ставит серьезные вопросы о цивилизации, обществе, отчаянии и надежде. И не дает скоропалительных, шаблонных ответов.

io9

Детектив с жестко выверенным сюжетом, убедительными персонажами и прекрасными диалогами... неминуемый апокалипсис – это не просто декорация для романа, это ключевой элемент в головоломке, которую пытается решить Пэлэс.

Booklist

Бен Уинтерс создал великолепный роман с запоминающимися персонажами, которые убедительно смотрятся на фоне изменчивого и разрушающегося мира вокруг...

Library Journal

Невероятный роман – блестящий, неожиданный и, принимая во внимание сюжет, удивительно оптимистичный.

Mystery Scene Magazine

«Последний полицейский» – это не только блестящий детектив с необычным главным героем и интригующим сюжетом, но и метафорическая история про конец света.

Sacramento News & Review

Часть первая

Город висельников

Вторник, 20 марта

Прямое восхождение 19 02 54.4

Склонение –34 11 39

Элонгация 78.0

Дельта 3.195 а. е.

1

Я тарашусь на страховщика, а страховщик тарашится на меня холодными серыми глазами сквозь старомодные очки в черепаховой оправе. Мне жутко, радостно и тревожно, потому что, как ни крути, это по-настоящему, а я не знаю, готов ли. Право же, не готов.

Я щурюсь, беру себя в руки и снова осматриваю его, присев на корточки, чтобы лучше видеть. Глаза, очки, безвольный подбородок, залысина, узкий черный ремешок, завязанный узлом и затянутый под подбородком.

Это на самом деле. Правда ли? Не знаю.

Я глубоко вздыхаю, приказываю себе сосредоточиться и забыть обо всем, кроме трупа, – забыть грязный пол и тихонький рок-н-роллерчик из дешевого динамика под потолком.

Запах меня убивает: назойливый и очень неприятный, словно в хлеву пролили подгорелое масло. В этом мире еще остались усердные и умелые работники, но ночной уборщик круглосуточной забегаловки не из таких. Я это к чему: страховщик несколько часов провел здесь, между унитазом и темно-зеленой стеной кабинки, пока его не обнаружил зашедший по нужде патрульный Майкельсон.

Конечно, Майкельсон сразу сообщил о 10–54 С – с виду так и есть. За последние несколько месяцев я усвоил одно: самоубийцы редко вешаются на люстре или стропилах, как показывают в кино. Если они это всерьез, а в наши дни серьезные почти все, то цепляют веревку к дверной ручке, или крючку вешалки, или, как вот этот страховщик, к поручню, установленному для удобства инвалидов. А потом наклоняются вперед, затягивая петлю своим весом и перекрывая дыхательные пути.

Я тоже наклоняюсь вперед, переступаю на корточках, стараюсь уместиться в тесном пространстве вместе со страховщиком и не заляпать при этом все вокруг собственными отпечатками. За те три с половиной месяца, что я проработал детективом, у меня таких было девять человек, но я все никак не привыкну к тому, что творит смерть от удушья с человеческим лицом: глаза выпучиваются, словно в ужасе, и затягиваются паутиной красных жилок, язык вываливается на сторону, губы западают и синеют по краям.

Я закрываю глаза, тру их кулаками и снова смотрю, пытаюсь представить, каким был страховщик при жизни. Красивым не был, это сразу видно. Лицо одутловатое и все пропорции лица чуточку искажены: слишком маленький подбородок, слишком большой нос, глаза за толстыми стеклами почти как бусинки.

С виду все выглядит так, словно страховщик покончил с собой при помощи длинного черного ремня, привязав один конец к перилам, а на другом сделав затяжной узел, который теперь жестоко врежется ему в кадык.

– Эй, малыш, так кто же твой дружок?

– Питер Энтони Зелл, – спокойно отвечаю я, оглядываясь через плечо на заглянувшего в дверь Дотсета. Тот ухмыляется, на нем яркий шарф-шотландка, в руках исходит паром чашечка макдоналдсовского кофе.

– Мужчина, европеоид. Тридцать восемь лет. Работал страховым агентом.

– Попробую угадать, – подхватывает Дотсет, – съеден акулами. Нет, погоди! Покончил с собой. Верно, самоубийство?

– Похоже на то.

– Я в шоке! Ужасно!

Денни Дотсет – помощник главного прокурора, боевой конь с седой гривой и круглой жизнерадостной физиономией.

– Ой, ну ладно, извини, Хэнк. Кофе хочешь?

– Нет, сэр, спасибо.

Я докладываю ему обо всем, что смог узнать, порывшись в бумажнике из кожаного кошелька, найденном в заднем кармане потерпевшего. Зелл работал на компанию «Мерримак: жизнь и пожары», размещающуюся на Игл-сквер в здании Уотервест. Небольшая коллекция корешков от билетов в кино, все за последние три месяца. Вкусы у него были как у подростка: ремейк «Властелина колец», две серии научно-фантастического сериала «Далекий белый блеск», что-то из разряда «Супергерои против колдовства» в широкоформатном «Хуксете». Никаких признаков семьи, никаких фотографий. Восемьдесят пять долларов пяттерками и десятками. Водительские права с местным адресом: Южный Конкорд, проезд от Мэттью-стрит, 14.

– А, точно, знаю этот район. Симпатичные особнячки. У Ролли Льюиса там дом.

– И его били.

– Ролли?

– Потерпевшего. Смотрите.

Я поворачиваюсь к искаженному лицу страховщика и указываю на желтоватые кровоподтеки на правой скуле:

– Кто-то его хорошенько приложил.

– А, да, это точно.

Дотсет, зевнув, прихлебывает кофе. Ньюгэмпширские власти давно добивались, чтобы на каждый труп вызывали кого-нибудь из прокуратуры. Чтобы, если это окажется убийством, прокурорские с самого начала были в курсе дела. В середине января власти штата ответили на это отказом, сочтя требование излишне обременительным при нынешних необычных обстоятельствах: коллеги Дотсета воронами летели через весь штат на каждый труп, который вовсе не был убийством. Теперь сообщать или не сообщать о 10–54 С оставили на усмотрение следователя. Я обычно иду им навстречу и вызываю прокурорских.

– Еще что новенького, молодой человек? – спрашивает Дотсет. – В сквош до сих пор играешь?

– Я ракетку в руках не держал, сэр, – рассеянно отвечаю я, рассматривая мертвеца.

– Да? С кем же это я тебя перепутал?

Я в задумчивости постукиваю пальцем по подбородку. Зелл был малорослым, примерно пяти футов шести дюймов. Коренастый толстячок. Надо же, мысли неудержимо вертятся в голове. Это потому, что с трупом что-то не так – с трупом или с самоубийством, – и я все пытаюсь сообразить, что именно.

– Телефона нет, – бормочу наконец.

– Что?

– Бумажник на месте и ключи тоже, а мобильного нет.

Дотсет пожимает плечами:

– Выбросил в помойку. Бет свой тоже выкинула. Так паршиво работал, что она решила избавиться от этой дряни.

Я киваю, приговаривая: «Конечно, конечно...» – а сам все разглядываю Зелла.

– И еще, нет записки.

– Да ну? – Он опять пожимает плечами. – Может, ее найдет друг. Или начальник. – Дотсет с улыбкой допивает кофе. – Этот народ всегда оставляет записки. Хотя вроде бы такое дело нынче в объяснениях не нуждается, а?

– Да, сэр, – бормочу я, поглаживая усы, – да, конечно.

На прошлой неделе тысячи паломников со всей Юго-Восточной Азии собрались в Катманду и взойшли на костер. Монахи выстроились в круг и возносили молитвы, а потом бросились в пламя. В Центральной Европе продаются DVD с мастер-классами вроде «Как правильно набить карманы камнями» или «Как смешать коктейль из барбитуратов у себя на

кухне». На американском Среднем Западе: в Канзас-сити, Сент-Луисе, Де-Мойне – в моде огнестрелы, большинство вышибает себе мозги из дробовика.

А наш Конкорд почему-то стал городом висельников. Тела обнаруживают в кладовках, в сараях, в недостроенных подвалах. В прошлую пятницу один владелец мебельного склада испробовал голливудский метод – привязал к изгибу водосточной трубы пояс от банного халата. Только труба не выдержала, и он свалился во двор живым, переломав все четыре конечности.

– Все равно это трагедия, – равнодушно заявляет Дотсет. – Каждая смерть – трагедия.

Он бросает взгляд на часы: ему пора. Но я все сижу на корточках, все шурюсь на труп страховщика. Питер Зелл выбрал на последний день жизни мятый коричневый костюм и голубую рубашку. Носки в тон, но не совсем: коричневые – только один темный, а другой посветлее. Оба с растянутыми резинками, съехали на лодыжки. Ремень на шее – то, что доктор Фентон назвала бы «лигатура», – хорош: блестящая черная кожа, на золотой пряжке выгравировано «B&R».

– Эй, сыщик! – окликает Дотсет, и я моргаю, подняв на него глаза. – Ты еще что-то хотел сказать?

– Нет, сэр, спасибо.

– Не напрягайся. Работай в охотку, молодой человек.

– Только... постойте!

– Извини?

Я выпрямляюсь, разворачиваюсь к нему:

– Ну вот я намерен кое-кого убить...

Пауза. Дотсет разыгрывает долготерпение мученика – забавляется.

– И живу я в такие времена и в таком городе, где люди то и дело убивают себя. Направо и налево. Это – город висельников.

– Так-так...

– Не стоит ли мне, убив жертву, изобразить самоубийство?

– Возможно.

– Значит, возможно?

– Да-да, возможно. Только вот это... – Дотсет тычет большим пальцем в обмякший труп, – это самоубийство.

Он, подмигнув, толкает дверь туалета и оставляет меня наедине с Питером Зеллом.

* * *

– Так что, Тянучка, вызываем тележку мясника или сами вскроем подарочек?

Я отвечаю Майкельсону суровым неодобрительным взглядом. Терпеть не могу это наигранное бездушие, жесткий юморок вроде «тележки мясника» и всяких там «подарочков», а Ричи Майкельсон знает, что я этого терпеть не могу, и нарочно меня дразнит. Он дожидался под дверью туалета. Теоретически охранял место преступления, а практически жевал яичный макмаффин прямо из желтой целлофановой обертки и капал светлым жиром на форменную рубашку.

– Брось, Майкельсон. Здесь человек умер.

– Прости, Тянучка.

От этой клички я тоже не в восторге, и это Ричи прекрасно известно.

– Через час сюда подъедет кто-нибудь от доктора Фентон, – говорю я, и Майкельсон кивает, рыгнув в кулак.

– Отдашь ей? – Он комкает и бросает в мусор обертку от завтрака. – Я думал, она больше не занимается самоубийцами.

– На усмотрение следователя, – отвечаю я, – а я считаю, что в данном случае вскрытие показано.

– Да ну?

– Вот и «ну»!

Ему, в сущности, все равно. А Триш Макконнелл тем временем уже работает. Она в дальнем конце зала – маленькая подвижная женщина с черным хвостиком волос из-под форменной фуражки. Приперла к сифону с содовой компанию подростков и снимает показания. Ручка так и летает над блокнотом. Макконнелл не ждет указаний следователя, а предугадывает их. Макконнелл мне нравится.

– Хотя, знаешь, – тянет Майкельсон просто разговора ради, хочет меня достать, – сверху велели, чтобы мы сворачивались побыстрее.

– Знаю.

– Стабильность и единство населения, вся эта мура...

– Да.

– К тому же владелец вот-вот взорвется – клиентам руки помыть негде.

Майкельсон показывает глазами на прилавок, из-за которого на нас пялится краснолицый хозяин «Макдоналдса». Его грозный взгляд довольно смешон на фоне ярко-желтой рубахи и жилетки в цвет кетчупа. Для него каждая минута в присутствии полиции – потерянная выручка, и понятно, что этот тип уже тыкал бы пальцем мне в лицо, не опасайся он ареста по статье шестнадцатой. Рядом околачивается юнец, который, прикрываясь отросшими волосами, стреляет глазами то на сердитого начальника, то на пару полицейских, решая, кому уделить больше презрения.

– Обойдется, – говорю я Майкельсону. – В прошлом году часов на шесть или даже двенадцать закрыли бы все место преступления, а не только мужской сортир.

– Новые времена, – пожимает плечами Майкельсон.

Я, поморщившись, поворачиваюсь к хозяину спиной. Пусть себе кипятится. Это ведь даже не настоящий «Макдоналдс». Настоящая фирма схлопнулась в августе прошлого года, когда девяносто четыре процента ее капитала испарились за три недели рыночной паники. От нее остались сотни тысяч ярких витрин, и многие из них, вроде этого заведения на главной улице Конкорда, захватили пираты. Такие вот предприимчивые местные жители, срывающие куш на торговле съестным без утомительных выплат по франшизе.

Настоящих «Севен-Элевен» тоже не осталось, как и «Данкин Донатс». Булочные «Панера» кое-где еще существуют, хотя супружеская пара, которой принадлежала сеть, удралась в духовные практики и сменила весь персонал на единоверцев, так что не стоит туда заходить, если вы не в настроении послушать Новое Евангелие.

Я даю отмашку Макконнелл, показывая ей и Майкельсону, что классифицирую дело как «при подозрительных», и получаю в ответ от Ричи саркастически поднятую бровь. А вот Макконнелл с благодарностью кивает в ответ и перелистывает страничку блокнота. Я раздаю работающим на месте преступления необходимые указания. Макконнелл – закончить с опросом свидетелей, а потом отыскать и уведомить родных потерпевшего. Майкельсону – дальше сторожить дверь, пока за трупом не приедут от Фентон.

– Разумно, – одобряет Макконнелл, закрывая блокнот.

– Делать тебе нечего, – ворчит Майкельсон.

– Брось, Ричи, – примирительно возражаю я, – человек умер.

– Да, Тянучка, – отвечает он, – ты это уже говорил.

Я салютую коллегам, киваю на прощание и вдруг замираю, едва приоткрыв ту дверь, что выходит из зала на парковку. Через площадку торопится к нам взволнованная женщина в красной зимней шапочке, но без пальто и без зонтика, защитившего бы от густого снегопада. Будто она только что выскочила откуда-то и вот скользит легкими прогулочными туфельками

по слякоти. Она видит меня, встречает мой взгляд, и я улавливаю момент, когда она узнает во мне полицейского. Женщина озабоченно хмурится и тотчас разворачивается на каблуках, чтобы поспешить прочь.

* * *

Я еду на север от «Макдоналдса» по Драйв-стрит, мой служебный «Шевроле-импала» осторожно маневрирует по толстой наледи на дороге. Вдоль улицы выстроились машины – припаркованные и забытые, заваленные снегом по ветровое стекло. Проезжаю «Центр искусств», красивое здание из красного кирпича с большими окнами. Заглядываю мимоходом в набитую битком кофейню, открытую кем-то напротив. Перед магазином стройтоваров Кольера змеится очередь, должно быть, у них новые поставки. Лампочки, лопаты или гвозди. На стремянке стоит мальчишка-школьник, переправляет ценник на картонке и вписывает новые товары черным маркером.

«Сорок восемь часов», – думаю я. Большая часть дел об убийствах раскрывается или становится «висяком» в первые сорок восемь часов после преступления.

Моя машина – одна из немногих в городе, поэтому прохожие оборачиваются мне вслед. К забитой досками двери агентства недвижимости и закладных «Уайт-пик» привалился какой-то пьянчуга. У вестибюля с банкоматами болтается стайка подростков – передают по кругу косяк с марихуаной. Парнишка с дрянной козлиной бородкой лениво выдыхает дым в холодный воздух.

На стеклянной витрине бывшего офисного здания-двухэтажки на углу Стэйт и Блейк-стрит нацарапано граффити. Буквы высотой по шесть футов гласят: «ВРУТ ВРУТ ВСЕ ВРУТ».

Я жалею, что так набросился на Ричи Майкельсона. К тому времени, как я получил свою должность, жизнь у патрульных уже была несладкой, и прошедшие с тех пор четырнадцать недель ее не улучшили. Да, у копов сейчас самые надежные и оплачиваемые рабочие места в стране. И да, в сравнении с прошлым годом серьезного роста преступности в Конкорде по большинству категорий не отмечается, за несколькими заметными исключениями. Согласно «Акту о безопасности и стабильности» в Соединенных Штатах теперь запрещено производство, продажа и покупка всех видов огнестрельного оружия, но прививается этот закон туго, особенно в штате Нью-Гэмпшир.

Все же на улицах в настороженных глазах граждан постоянно ощущается возможность насилия, и это ощущение медленно перемалывает и выжигает изнутри сотрудников действующего патруля, как солдат на войне. На месте Ричи Майкельсона я бы тоже устал, перегорел и временами огрызался на людей.

На Уоррен-стрит работает светофор, и, хоть я и полицейский и один на всю улицу, все равно останавливаюсь на перекрестке и барабаню пальцами по баранке, дожидаясь зеленого. Смотрю в ветровое стекло и думаю о той женщине, что спешила куда-то без пальто.

* * *

– Новость все слышали? – спрашивает детектив Макгалли, большой и шумный парень. Вместо микрофона он сложил рупором ладони. – Насчет новой даты.

– Какая еще дата? – обалдело вопрошает детектив Андреас, вскочив с места. – Дата всем известна. Чтоб она провалилась, эта дата!

Известная всем дата – 3 октября, через шесть месяцев и одиннадцать суток от сего дня. Именно тогда в Землю врежется ком углерода и силикатов диаметром шесть с половиной километров.

– Речь не о том, когда приземлится эта большая котлета, – возражает Макгалли, размахивая номером «Конкордского наблюдателя». – Дата, когда наши гении скажут, где она упадет!

– Да видел, – кивает детектив Калверсон, читающий за своим столом «Нью-Йорк таймс». – Вроде бы 9 апреля.

Мой стол стоит в углу, рядом с мусорной корзиной и маленьким холодильником. Передо мной открытый блокнот. Освежаю в памяти осмотр места преступления. Собственно, это даже не блокнот, а тетрадка, в каких студенты пишут конспекты. Мой отец был профессором, и после его смерти на чердаке мы нашли двадцать пять коробок с такими вот тонкими зеленовато-голубыми тетрадками. Я до сих пор ими пользуюсь.

– 9 апреля? Очень уж скоро. – Андреас опускается на стул и хриплым шепотом повторяет. – Очень уж скоро...

Калверсон вздыхает и покачивает головой, а Макгалли фырчит себе под нос. Мы четверо – все, что осталось от следственного отдела по уголовным делам совершеннолетних конкордской полиции. С августа прошлого года трое преждевременно ушли в отставку, один внезапно и необъяснимо пропал, да еще детектив Гордон, сломав руку при аресте домашнего насильника, взял отпуск по состоянию здоровья да так и не вернулся из него. После волны сокращений в начале декабря одного патрульного повысили до детектива. Поэтому я – детектив Пэлс.

У нас с личным составом еще не так плохо. В отделе несовершеннолетних осталось двое: Петерсон и Геррера. Отдел технических преступлений с первого ноября вовсе распустили.

Макгалли открывает сегодняшний выпуск «Нью-Йорк таймс» и принимается читать вслух. Я обдумываю дело Зелла и пересматриваю записи. «Никаких признаков постановки или борьбы... Мобильный телефон? Лигатура: ремень, золотая пряжка...»

Черный ремень из хорошей итальянской кожи с гравировкой «B & R».

– «По словам астрономов из центра астрофизики Гарвард-Симпсон в Кембридже, Масачусетс, – Макгалли вслух зачитывает „Наблюдатель“, – критическая дата приходится на 9 апреля. Специалисты центра вместе с легионами других астрономов, астрофизиков и увлеченных дилетантов следят за неотступным приближением массивного астероида Майя, официально называемого 2 – 11GV1...»

– Господи! – стонет в тоске и ярости Андреас и, вскочив, бросается к столу Макгалли. Андреас – маленький дерганый человечек сорока с лишним лет, но густые черные кудряшки на голове придают ему сходство с херувимом. – Все это нам известно! Думаешь, на всей планете найдется хоть один, кто не знает?

– Спокойней, дружок, – останавливает его Макгалли.

– Просто меня бесит, когда они повторяют это снова и снова, раз за разом! Словно вбивают в голову.

– Газетные статьи так и пишутся, – вставляет Калверсон.

– Ну а меня это бесит!

– Однако же... – улыбается Калверсон. Он – единственный афроамериканец в уголовном отделе. А также единственный афроамериканец во всей конкордской полиции, и иногда его любя называют «Единственный черный Конкорда», хотя это, строго говоря, неверно.

– Ладно-ладно, пропущу, – Макгалли похлопывает несчастного Андреаса по плечу. – «Ученые исследовали...» пропускаю, пропускаю... «некоторые разногласия, ныне разрешенные...» дальше, дальше, дальше... вот! «В указанную дату апреля, когда до столкновения останется всего пять с половиной месяцев, с учетом склонения и прямого восхождения удастся определить, в какой точке земной поверхности упадет Майя, с точностью до пятнадцати миль».

К концу фразы баритон Макгалли благоговейно затихает, и он, присвистнув, добавляет от себя:

– Надо же, до пятнадцати миль!

Ему отвечает тишина, только радиатор позвякивает. Андреас стоит у стола Макгалли, заглядывая в газету. Руки его опущены и сжаты в кулаки. Калверсон в своем уютном уголке берется за ручку и чертит на бумажном листке длинные линии. Я закрываю тетрадку, запрокидываю голову, выбираю глазами точку на потолке рядом с фестончатой люстрой.

– Ну вот и вся суть, дамы и господа, – провозглашает Макгалли. Он уже оправился и хвастливо размахивает газетой. – Дальше отклики, комментарии и все такое прочее.

– Отклики? – скулит Андреас, простирая руки к газете. – Какие еще *отклики*?

– Ну, знаешь, премьер-министр Канады, например, заявляет: «А, надеюсь, он упадет на Китай», – хихикает Макгалли. – Президент Китая в ответ говорит: «Не в обиду Канаде, у нас иная точка зрения». Ну и все такое.

Андреас рычит от злости. Я вроде как наблюдаю за происходящим, но на самом деле думаю, сфокусировав взгляд на люстре. Парень среди ночи заходит в «Макдоналдс» и вешается в кабинке для инвалидов. Он заходит в «Макдоналдс», время середина ночи...

Калверсон торжественно поднимает свой листок. На нем простой график. Оси X и Y.

– Тотализатор «Астероид» при полиции Конкорда, – провозглашает он. – Делайте ваши ставки!

Детектив Калверсон мне нравится. Нравится, что он и теперь одевается как настоящий детектив. Сегодня на нем костюм-тройка, галстук с металлическим отливом и в кармашке такой же платочек. Многие сейчас стали носить то, что поудобнее. Андреас, например, одет в футболку с длинным рукавом и свободные джинсы, на Макгалли спортивная форма «Вашингтонских Краснокожих».

– Коль уж нам все равно умирать, – заканчивает Калверсон, – обдерем сперва на несколько зеленых наших братьев и сестер из патрульного.

– Это конечно, – Андреас беспокойно оглядывается, – но как тут предскажешь?

– Предсказать – это что! – Макгалли азартно хлопает коллегу по спине сложенным «Наблюдателем». – Вот как денежки получить, бродяга?

– Я первый, – вызывается Калверсон. – Ставлю сотню на Атлантический океан.

– Сорок зеленых на Францию, – Макгалли роется в бумажнике. – Так им и надо, паршивцам.

Калверсон несет свой график в мой угол, бросает листок на стол.

– А ты, Икабод Крейн, что скажешь?

– Угу, – рассеянно отзываюсь я, вспоминая синяки под глазом у мертвеца. Кто-то сильно ударил Питера Зелла по лицу, недавно, но не в последние дни. Может, две недели назад? Или три? Доктор Фентон скажет точно.

Калверсон, нетерпеливо подняв бровь, ждет ответа.

– Детектив Пэлас?

– Трудно сказать, знаешь ли. Слушайте, ребята, где вы покупаете ремни?

– Ремни? – Андреас опускает глаза на свою талию, потом закатывает, словно вспоминая. – Я подтяжки ношу.

– Я у Хэмфри, – говорит Калверсон, – это в Манчестере.

– Мне Анжела покупает, – сообщает Макгалли, ссутулившись над спортивным разделом газеты. – Что за вопрос, Пэлас?

– Над делом работаю, – объясняю я дружно обернувшимся ко мне сослуживцам. – Утром в «Макдоналдсе» нашли труп.

– Как я понял, там самоповешение, – уточняет Макгалли.

– Мы пока называем это смертью при подозрительных обстоятельствах.

– Мы? – Калверсон одобрительно улыбается мне. Андреас все стоит у стола Макгалли, рассматривает газетную страницу, прижав ладонь ко лбу.

– Использован черный ремень. Стильный. На пряжке – «B & R».

– «Белнап и Роуз», – сообщает Калверсон. – Постой-ка, ты думаешь, там убийство? Чертовски людное место для убийства.

– Точно, «Белнап и Роуз», – отзываюсь я. – Слушай, в остальном потерпевший одет так себе, похвастаться нечем. Простой коричневый костюм, старая рубаша с пятном на кармашке, разные носки. И ремень на нем был – дешевый коричневый поясок. А лигатура – настоящая кожа, ручная выделка.

– Предположим, – говорит Калверсон. – Ну пошел он в «B & R», купил себе стильный ремешок, чтобы на нем повеситься.

– Вот-вот, – вставляет Макгалли, переворачивая страницу.

– Неужели? – Я в нетерпении встаю из-за стола. – Выглядит очень правдоподобно. Я собираюсь вешаться. Я – обычный парень, одеваюсь по-простому, у меня, надо думать, дома не один ремень. Зачем бы мне тратить двадцать минут на поездку в шикарный магазин мужской одежды, покупать особый ремень для самоубийства?

Я немного разгорячился, подался вперед, расхаживаю туда-сюда перед столом, поглаживаю усы.

– Почему бы мне, знаешь ли, не воспользоваться теми, что у меня есть?

– Кто его знает? – тянет Калверсон.

– И главное, – зевнув, добавляет Макгалли, – кому какое дело?

– Да... – спохватываюсь я и сажусь на место, снова открываю свою тетрадку. – Конечно.

– Ты Пэлс, прямо инопланетянин, – замечает Макгалли и, быстрым движением скомкав спортивную страничку, швыряет ее мне в голову. – Как будто с другой планеты!

2

За столом охраны в здании Уотервест сидит дряхлый старик. При виде меня он медленно моргает, словно только что очнулся от дремоты. Или от смерти.

– У вас здесь с кем-то назначена встреча?

– Нет, сэр, я полицейский.

На охраннике сильно помятая рубаша, форменная фуражка изуродована вмятиной на тулье. Утро уже не раннее, но в сером вестибюле тускло. В полумраке вяло мотаются по полу шарики пыли.

– Я – детектив Генри Пэлас, – предъявляю ему значок, но он не смотрит. Мне все равно, и я заботливо прячу значок обратно. – Я служу в следственном отделе полиции Конкорда и сейчас расследую подозрительную смерть. Мне нужно побывать в офисе компании «Мер-римак. Жизнь и пожары».

Старик откашливается:

– Ты что это, сынок? На голову выше всех, что ли?

– Примерно так...

Дождаясь лифта, оглядываю темный вестибюль. Гигантское, тяжелое и приземистое растение сторожит один угол; над рядом латунных почтовых ящиков – безжизненный пейзаж Белых гор; престарелый охранник изучает меня со своего насеста. Вот что видел мой страховщик утром сутки через сутки, начиная рабочий день. Когда со скрипом открывается дверь лифта, я втягиваю ноздрями затхлый воздух. Здесь, в вестибюле, ничто не противоречит версии самоубийства.

Босса Питера Зелла зовут Теодор Гомперс. Бледный, одетый в синий костюм мужчина с обвислым подбородком ничуть не удивился, услышав от меня новость.

– Зелл, значит. Жаль. Налить вам?

– Нет, спасибо.

– Как вам погода, а?

– Угу...

Мы сидим у него в кабинете, и он пьет джин из низкой рюмочки, рассеянно потирает ладонью подбородок, поглядывает в большое окно на снег, засыпающий Игл-сквер.

– Многие говорят, это из-за астероида, снег-то. Слыхали, да?

Гомперс говорит негромко, задумчиво, не отрывая взгляда от улицы за окном.

– Только это вранье. Он еще в двухстах восьмидесяти миллионах миль, не так близко, чтобы влиять на погоду.

– Да уж...

– Потом, конечно, будет влиять. – Он вздыхает и медленно, по-коровьи, поворачивает ко мне голову. – Люди толком не понимают, видите ли.

– Не сомневаюсь, что вы правы, – терпеливо говорю я, держа наготове голубую тетрадку и ручку. – Не расскажете ли мне о Питере Зелле?

Гомперс делает еще глоток джина.

– Особенно и нечего рассказывать-то. Парень был прирожденный клерк, это точно.

– Прирожденный клерк?

– Ага. Я сам начинал секретарем, хоть и со степенью по статистике и все такое. Но я переключился на продажи, понемногу пробился в управление да здесь и остался. – Гомперс разводит руками, указывая на свой кабинет, и застенчиво улыбается. – А Питер никуда не пробивался. Я не говорю, что это плохо, но он никуда не стремился.

Я кивнул, царапая в тетрадке под полупьяный говорок Гомперса. Кажется, Зелл был, можно сказать, волшебником статистического анализа, обладал почти сверхъестественной

способностью разбираться в длинных столбцах демографических сводок и делать точные предсказания риска и прибыли. Кроме того, если верить рассказу, он был болезненно застенчив. Ходил потупившись; больше, чем «Привет» и «Все в порядке», из него было не выжать; на совещаниях сидел в последнем ряду, уставившись на собственные руки.

– И, слушайте, с любого совещания он выскакивал за дверь первым, – продолжает Гомперс. – Чувствовалось, что ему куда уютнее у себя за столом, с калькулятором и статистическими сводками, чем с нами, людьми.

Я записываю, поощрительно кивая, чтобы он не умолкал, а сам думаю, что этот парень, Питер Энтони Зелл, начинает мне всерьез нравиться. Я люблю людей, которые с удовольствием делают свою работу.

– Еще скажу про него, про Зелла то есть, что все это безумие его вроде бы не слишком задевало. Даже вначале, когда все только начиналось.

Гомперс запрокидывает голову к окну, к небу, и я догадываюсь, что под «только началось» он подразумевает начало прошлого лета, когда астероид проник в сознание обывателя. Ученые засекли объект еще в апреле, но в первые пару месяцев он появлялся только в колонках разных странностей под шутливыми заголовками вроде «Смерть с неба?» или «Небо падает!». Для большинства угроза стала реальностью в начале июня, когда шансы на попадание достигли пяти процентов, а окружность Майя оценили от четырех с половиной до семи километров.

– Ну вы помните: люди сходят с ума, люди рыдают на рабочем месте. А Зелл, как я говорил, просто работал, не поднимая головы. Как будто считал, что астероид летит на всех, кроме него.

– А в последнее время? Были перемены? Депрессия?

– Ну, – задумывается он, – знаете... постойте-ка... – и вдруг умолкает, прикрыв рот ладонью, прищурившись, словно разглядывает неясное пятнышко вдали.

– Мистер Гомперс?

– Да я только... простите, вспоминаю кое-что. – Он на секунду прикрывает глаза, потом резко открывает, и я, на минуту усомнившись в надежности свидетеля, гадаю, сколько рюмочек джина он употребил за это утро. – Такое дело, был один случай.

– Случай?

– Да, у нас работала одна девушка, Тереза, бухгалтер, так она явилась на Хеллоуин в костюме астероида.

– О?

– Понимаю. Сумасшедшая, да? – Гомперс ухмыляется собственному воспоминанию. – Просто большой черный мешок для мусора с числами, знаете. Два-ноль-один-один-джи-ви-один на бейджике. Многие смеялись – одни больше, другие меньше. Но Зелл ни с того ни с сего просто взорвался. Завопил, заорал на девушку, его просто трясло всего. Страшное дело, тем более что он, как я говорил, обычно был таким тихим. В общем, он извинился, но на следующий день не вышел на работу.

– Долго его не было?

– Неделью. Или две? Я думал, он совсем ушел, но потом он явился, ничего не объясняя, таким же как прежде.

– Таким же?

– Ага. Тихий, спокойный, сосредоточенный. Усердный работник, исполнительный. Даже когда работы не стало.

– Не стало? Простите? – недоумеваю я.

– Работа кончилась. С конца осени или начала зимы мы, знаете, больше не открываем полисов. – Гомперс мрачно улыбается на мой вопросительный взгляд. – Я к тому, детектив, что хотели бы вы сейчас застраховать свою жизнь?

– Пожалуй, нет.

– Вот-вот, – он, потянув носом, осушает рюмку. – Пожалуй, нет.

Свет мигает, Гомперс, подняв голову, бормочет «Давай-давай», и лампы тут же разгораются снова.

– Словом, я поставил Питера заниматься чем все занимаются, то есть проверять заявления, искать фальшивки и сомнительные претензии. Выглядит бредом, но именно этим занимается сейчас наша головная компания – предотвращением мошенничества. Лишь бы сохранить основной капитал. Из начальства многие обналичили свою долю и теперь строят бункеры на Бермудах или в Антигуа. Сами понимаете. Но наш – нет. Наш, между нами, надеется в последний момент купить себе билет на небеса. Так мне кажется.

Я не смеюсь. Постукиваю ручкой по тетрадке, пытаюсь разобраться в полученной информации, сопоставить время событий.

– Как вы думаете, я могу с ней поговорить?

– С кем?

– С женщиной, о которой вы упомянули, – заглядываю в записи. – С Терезой.

– А она давно ушла, детектив. По-моему, сейчас она в Новом Орлеане. – Гомперс склоняет голову, и его речь становится плохо разборчивой. – Из молодежи многие туда отправились. И моя дочка тоже. – Он снова смотрит в окно. – Я еще чем-то могу помочь?

Я разглядываю страницу, исписанную моими каракулями. *Ну чем еще он может помочь?*

– А как насчет друзей? У мистера Зелла были друзья?

– Хм... – Гомперс склоняет голову к плечу, оттопыривает нижнюю губу. – Один был. Не знаю, кто он был. Пожалуй, друг. Какой-то парень, такой здоровенный толстяк с большими лапами. Прошлым летом я раз или два видел, как Зелл с ним обедал за углом в «Воркс».

– Большой парень, говорите?

– Я говорю: здоровенный толстяк, да так оно и есть. Я потому запомнил, что, во-первых, никогда не видел, чтобы Питер выходил на обед, это само по себе было необычно. А во-вторых, Питер был малорослый, так что в паре с этим типом смотрелся особенно примечательно, понимаете?

– Имя вы знаете?

– Того верзилы? Нет, я с ним и не разговаривал.

Я поудобнее перекидываю ноги, пытаюсь сообразить, о чем еще надо спрашивать. О чем полагается спрашивать, что еще мне нужно узнать.

– Сэр, вы не знаете, где Питер заполучил синяки?

– Что?

– Под глазом...

– Ах да. Он сказал, что упал с лестницы. Пару недель назад, вроде бы.

– С лестницы?

– Так он сказал.

– Ясно...

Я и это записываю. В голове начинают смутно вырисовываться направления расследования. От выплеска адреналина правую ногу дергает, так что она, лежащая на колене левой, слегка подпрыгивает.

– Последний вопрос, мистер Гомперс. Вы не знаете, у Зелла были враги?

Гомперс потирает подбородок ребром ладони, глаза его сходятся на мне.

– Враги, говорите... Вы же не думаете, что его кто-то убил, а?

– Ну, возможно. Скорее, нет. – Я захлопываю тетрадку и встаю. – Вы позволите осмотреть его рабочее место?

* * *

Всплеск адреналина, простреливший мне ногу во время беседы с Гомперсом, разошелся теперь по всему телу, растекся по жилам, наполнил меня странным электрическим голодом.

Я – полицейский, тот, кем всегда мечтал стать. Шестнадцать месяцев прослужил в патруле. Почти всегда в ночной смене, почти всегда в секторе 1, на Лоудон-роуд от Уолмарта до конечного проезда. Шестнадцать месяцев с восьми вечера до четырех утра патрулировал четыре с половиной мили. Разнимал драчунов, развозил пьяных, гонял попрошайек и шизу с парковки на Маркет-баскет.

Мне это нравилось. Даже прошлым летом нравилось, хотя времена настали странные, новые времена. А потом, к осени, работа стала еще труднее и необычнее, но она мне по-прежнему нравилась.

Правда, с тех пор как я стал следователем, меня осаждает мучительное непонятное чувство, какая-то неудовлетворенность, ощущение неудачи, несвоевременности. Как будто, получив работу, которой добивался всю жизнь, я в ней разочаровался. Или она во мне.

А вот сегодня это ощущение электрического разряда, звенящего и затихающего как пульс! И я подумал: так его и так, может, это оно? Действительно оно?

* * *

– Что вы, собственно, ищете?

Это скорее упрек, чем вопрос. Я отрываюсь от своего занятия, методичного обыска ящиков в письменном столе Питера Зелла, и вижу лысую женщину в черной, узкой как карандаш юбке с белой блузкой. Эту женщину я видел из «Макдоналдса» – это она подошла к дверям ресторана и отвернула в сторону, затерявшись среди машин на парковке. Я узнаю бледную кожу и глубокие черные глаза, хотя утром на ней была ярко-красная шерстяная шапочка, а теперь голова непокрыта и гладкий белый скальп отражает резкий свет ламп.

– Ищу улики, мэм. Следственная рутина. Я – детектив Генри Пэлс из полиции Конкорда.

– Какие же тут улики? – удивляется она. У нее пирсинг: одна ноздря украшена золотой кнопочкой. – Гомперс сказал, Питер покончил с собой.

Я не отвечаю, поэтому она проходит ко мне через душный кабинет и молча смотрит, как я работаю. Она хороша собой, эта женщина: мелкие сильные черты лица, осанистая. На вид лет двадцати четырех, может быть пяти. Я задумываюсь, какого мнения о ней был Питер Зелл?

– Ну, – говорит она, выждав секунд тридцать, – Гомперс велел узнать, не нужно ли вам чего. Вам что-нибудь нужно?

– Нет, спасибо.

Она смотрит поверх меня и на меня, на мои пальцы, копающиеся в ящиках покойника:

– Простите, что, вы сказали, ищете?

– Еще не знаю. Ход следствия невозможно предсказать заранее. Оно движется от одного клочка информации к следующему.

– Ах, так?... – Когда девушка поднимает брови, на лбу у нее собираются мелкие морщинки. – Звучит как выдержка из учебника.

– Гм... – Я сдерживаю себя. Это действительно была прямая цитата из «Уголовного расследования» Фарли и Леонарда, введение к главе шестой.

– Вообще говоря, кое-что мне нужно, – отзываюсь я, указывая на монитор Зелла, развернутый экраном к стене. – Что такое с этим компьютером?

– С ноября вся работа велась на бумаге, – пожимает плечами девушка. – Существует целая программа, с помощью которой наши файлы попадают в головной и региональный офисы, но она стала работать невероятно медленно, никакого терпения не хватало, поэтому вся компания вела операции офлайн.

– А-а, спасибо, – вежливо тяну я в знак признательности за напоминание.

С конца января Интернет в долине Мерримак действительно становился все менее и менее надежен. Началось это с виртуальной атаки на Южный Вермонт каких-то анархистов с неясными намерениями, а сил на восстановление не нашлось.

Женщина упорно стоит рядом, не переставая разглядывать меня.

– Так вы, простите, исполнительный ассистент мистера Гомперса?

– Прошу вас, – она закатывает глаза. – Просто секретарь.

– А зовут вас?..

Она медлит. Достаточно долго, чтобы дать мне понять, что, если захочет, оставит имя при себе, а потом говорит:

– Эддс. Наоми Эддс.

Наоми Эддс. Я успел заметить, что она не лысая, то есть не совсем лысая. Ее голова покрыта прозрачным светлым пушком, на вид мягким, гладким и приятным, как коврики в кукольном домике.

– Вы позволите задать вам несколько вопросов, мисс Эддс?

Она не отвечает, но и не уходит – просто стоит, задумчиво разглядывая меня. И я начинаю опрос. Она проработала здесь четыре года. Да, мистер Зелл уже работал, когда она пришла. Нет, они не были близко знакомы. Она подтверждает портрет Зелла, нарисованный Гомперсом: тихий, усердный, плохо социализирован. Только она употребляет слово «неловкий», и мне это нравится. Она припоминает случай на Хеллоуин, когда Питер набросился на Терезу из бухгалтерии, но не помнит его недельного отсутствия после этого.

– Если совсем честно, – признается она, – сомневаюсь, что заметила бы его отсутствие. Говорю же, мы не были близко знакомы. – Лицо ее смягчается, и на долю секунды я готов поклясться, что она смаргивает слезы, но доля секунды проходит, и она снова собрана и бесстрастна. – Хотя он был очень милый. Действительно приятный человек.

– Вы могли бы назвать его подавленным?

– Подавленным? – Она улыбается с легкой иронией. – Разве не все мы сейчас подавлены, детектив? Невыносимым грузом неизбежности. Вы не подавлены?

Я молчу, но фраза «невыносимый груз неизбежности» мне тоже нравится. Так лучше, чем «это сумасшествие» Гомперса и «большая котлета» Макгалли.

– А вы не заметили, мисс Эддс, когда и с кем вчера ушел мистер Зелл?

– Нет, – говорит она, и ее голос падает на полтона, а подбородок опускается к груди. – Я не заметила ни когда он покинул офис, ни с кем.

Я на секунду теряюсь, а когда соображаю, что эта внезапная наигранная серьезность – всего лишь подначка, девушка уже продолжает прежним тоном:

– Я сама ушла рано, около трех. У нас сейчас довольно свободное расписание. Но Питер, когда я уходила, точно был на месте. Я помню, как махнула ему на прощание.

Передо мной живо встает образ Питера Зелла вчера в три часа пополудни. Он провожает взглядом уходящую секретаршу шефа, красивую и собранную. Она с дружеским безразличием машет ему, и Зелл нервно кивает в ответ. Ссутулившись за своим столом, поправляет очки на переносице.

– А теперь, простите, – резко говорит Наоми Эддс, – мне нужно вернуться к работе.

– Конечно, – вежливо киваю я, мысленно добавляя: «Я тебя не звал. И не просил задерживаться». – Да, мисс Эддс, еще одно. Что вы делали сегодня утром у «Макдоналдса», где было найдено тело?

На мой неопытный взгляд, вопрос тревожит мисс Эддс – она отводит глаза, и на щеках проступает легкий румянец, – однако девушка овладевает собой и с улыбкой отвечает:

– Что делала? Я все время туда хожу.

– В «Макдоналдс» на Мэйн-стрит?

– Почти каждое утро. Точно. Выпить кофе.

– Выпить кофе можно гораздо ближе.

– У них хороший кофе.

– А почему вы не зашли?

– Потому что... потому что в последнюю минуту спохватилась, что забыла кошелек.

Я складываю руки на груди и выпрямляюсь в полный рост:

– Это правда, мисс Эддс?

Она складывает руки на груди, копируя мою позу, и смотрит прямо в глаза:

– А это правда просто следственная руина?

И я остаюсь провожать взглядом ее спину.

* * *

– Вы про того коротышку спрашивали. Правильно?

– Простите?

Старикан охранник сидит на том же месте, где я его оставил, развернув стул к лифтам, словно застыл в этой позиции на все то время, что я работал наверху.

– Про того, кто умер. Вы сказали, идете в «Мерримак-жизнь» насчет убийства.

– Я сказал, что расследую подозрительную смерть.

– Ну да. Так это насчет коротышки. Мелкий, как белка, очкастый?

– Да. Его звали Питер Зелл. Вы были знакомы?

– Не-а. Не больше чем с любым, кто работает в здании. Здоровались. Вы коп, говорите?

– Детектив.

Дубленое лицо старика на миг сводит дальняя родственница улыбки.

– Я служил в авиации. Во Вьетнаме. А когда вернулся, тоже хотел стать копом.

– Эй, – повторяю я пустые слова, которыми мой отец обычно отвечал на пессимизм и безнадежность, – никогда не поздно!

– Ну, – охранник хрипло откашливается и поправляет мятую фуражку, – теперь-то уже поздно.

В тускло освещенном вестибюле тянутся секунды, а потом охранник говорит:

– Так прошлой ночью того худышку подхватил с работы тип с большим красным грузовиком.

– Красный грузовик? На бензине?

Бензина ни у кого нет – ни у кого, кроме полиции и армии. ОПЕК прекратила экспорт нефти в начале ноября, канадцы последовали ее примеру парой недель позже, и на этом все. Министерство энергетики пятнадцатого января вскрыло стратегические резервы, все получили бензина на девять дней и больше не получают.

– Не бензиновый, – поправляет охранник. – Судя по запаху, на растительном масле.

Я киваю и в волнении шагаю ближе к нему, разглаживая усы ребром ладони.

– Мистер Зелл сел в машину добровольно или против воли?

– Ну его никто не заталкивал, если вы об этом. И пистолетов я не видел – никакого оружия.

Я раскрываю тетрадку, щелкая ручкой.

– Как он выглядел?

– Выставочный «форд» старой модели. Шины восемнадцатидюймовые, «гудиер» без цепей. Сзади клубился дым и воняло как будто подгоревшим маслом.

– Так-так. Вы номера не заметили?

– Нет.

– А водителя рассмотрели?

– Нет. Я тогда не видел причин рассматривать. – Старик задумчиво моргает. Кажется, мой энтузиазм его позабавил. – Но он был крупный парень, это я точно говорю. Такой здоровяк.

Я, поспешно записывая, киваю.

– И вы уверены, что это был красный грузовик?

– Точно. Красный, среднего размера, на стандартной раме. А на боковой стенке кабины со стороны водителя большой флажок.

– Какой флажок?

– Какой флажок? США, – нехотя отвечает охранник, словно ему неприятно признавать существование других стран.

Я молча пишу целую минуту. Все быстрее и быстрее, шурша ручкой в тишине вестибюля, а старик рассеянно поглядывает на меня, склонив голову, словно я не человек, а музейная витрина. Потом я, поблагодарив, убираю тетрадь и ручку и выхожу на мостовую, под снег, засыпающий красный кирпич и известняк центральной части города. На секунду останавливаюсь, рассматривая воображаемую картинку, как кадр из фильма: застенчивый неловкий человечек в мятом коричневом костюме забирается на пассажирское сиденье блестящего красного грузовика с модифицированным двигателем и уезжает в последние часы своей жизни.

3

Этот сон, повторявшийся раз или два в неделю, уносил меня во времена, когда мне было двенадцать.

Сначала появляется внушительная фигура Райана Дж. Ордлера, бессменного шефа полиции Конкорда, ветерана уже тогда, когда в реальности я ежегодно видел его на летнем пикнике Семей и Друзей. Он неуклюже ерошил мне волосы и дарил монетку с головой бизона, такую же, как всем присутствующим детям. Во сне Ордлер стоит в полном обмундировании по стойке смирно и держит в руках Библию, на которую я кладу правую ладонь и повторяю за ним клятву хранить и поддерживать закон. Затем Ордлер торжественно вручает мне пистолет и значок, я отдаю честь, и он салютует в ответ. Гремит музыка – в этом сне есть музыка – и вот я уже детектив.

В реальной же жизни я вернулся в участок в девять тридцать утра нестерпимо холодным утром прошлого года после ночного патрулирования сектора 1 и обнаружил в своем шкафчике написанный от руки приказ с предписанием доложить по начальству. Я зашел в комнату отдыха, плеснул в лицо водой и через две ступеньки взбежал по лестнице. В то время исполняющей обязанности администратора была лейтенант Ирина Пол, не так давно заменившая неожиданно уехавшего лейтенанта Ирвина Мосса.

– Доброе утро, мэ, – здороваюсь я. – Вы что-то хотели?

– Да, – отвечает лейтенант Пол, ненадолго оторвавшись от лежавшей перед ней черной папки с надписью на боку «Министерство юстиции США». – Секундочку...

– Конечно, – не тороплю я, оглядываясь.

И тут другой, низкий, голос рокошет из угла:

– Сынок...

Ордлер в мундире, но без галстука, с расстегнутым воротом возник в полумраке освещенного единственным окном кабинета. Со скрещенными на груди руками – не человек, а могучий дуб. Меня охватывает трепет, позвоночник распрямляется сам собой, и я отзываюсь:

– Доброе утро, сэр!

– Так вот, молодой человек, – лейтенант Пол поднимает голову, и шеф чуть заметно кивает на нее, показывая, чтобы я слушал внимательно. – Так вот. Вы позавчера вмешались в инцидент в подвале...

– Что? О!..

Я краснею и начинаю объяснять:

– Это новенький, он еще неопытней меня... – Я сам отслужил всего шестнадцать месяцев. – Новичок привел подозреваемого на предварительное задержание по статье шестнадцатой. Лицо без определенного места жительства...

– Верно, – говорит Пол, и я вижу перед ней рапорт о том инциденте. Мне это совершенно не нравится, я уже потею. Буквально потею, несмотря на холод в кабинете.

– И он, я имею в виду офицера, словесно оскорблял подозреваемого, что я счел неприличным и нарушающим правила департамента.

– И вы позволили себе вмешаться. С тем, чтобы, смотрите-ка... – Она снова опускает глаза и перелистывает розовую кальку рапорта: – ...Прочитировать соответствующий параграф агрессивным и угрожающим тоном.

– Думаю, я бы выразился иначе. – Я поглядываю на шефа, но тот смотрит на лейтенанта Пол – это ее шоу.

– Просто джентльмен случайно оказался мне знаком. Простите, следовало сказать «подозреваемый». Дюн Шепард, белый, мужского пола, пятидесяти пяти лет. – Присталь-

ный, но безразличный взгляд Ирины Пол меня сбивает, как и безмолвное присутствие шефа. – Мистер Шепард был вожатым нашего скаутского отряда. Тогда он работал бригадиром электриков в Пианкуке, но, надо полагать, ему в последнее время пришлось тяжело. Рецессия...

– Официально, – тихо поправляет Пол, – на мой взгляд, это депрессия.

– Да, мэм.

Лейтенант Пол снова смотрит в рапорт. Вид у нее измученный.

Этот разговор происходит в начале декабря, в холодные месяцы сомнений. Семнадцатого сентября астероид вышел в соединение, был невидим из-за близости к Солнцу, и получить новые данные не удавалось. Поэтому шансы, которые неуклонно росли с апреля – трехпроцентная вероятность столкновения, десятипроцентная, пятнадцатипроцентная, – застряли в конце осени и начале зимы на пятидесяти трех процентах. Состояние мировой экономики сменялось от плохого к худшему и много худшему. Двенадцатого сентября президент счел нужным подписать «Акт о безопасности и стабильности» и дал добро на вливание федеральных субсидий в государственные и местные правоохранительные органы. Для Конкорда это означало, что всю молодежь – еще моложе меня, иногда прямо со школьной скамьи – прогнали через учебку, заменившую полицейскую академию. Мы с Макконнелл между собой звали их «ежиками», потому что все новобранцы были одинаково подстрижены, имели одинаковые младенческие личики, холодные глаза и нагло себя вели.

По правде сказать, случай с мистером Шепардом был у меня не первым столкновением с молодыми коллегами.

Шеф прокашливается, и Пол откидывается назад, с удовольствием уступая ему место.

– Послушай, сынок, никто здесь не хочет от тебя избавиться. Мы с гордостью приняли тебя в патрульное подразделение, и если бы не нынешние необычные обстоятельства...

– Сэр, я в академии был первым на своем курсе, – начинаю я, спохватываясь, что говорю слишком громко и перебиваю старшего по званию, но остановиться не могу: – У меня безупречное досье, ноль по превышению полномочий, ноль по жалобам от гражданских лиц, как до, так и после Майя.

– Генри, – мягко останавливает меня шеф.

– Я полагаю, начальник смены мне полностью доверяет!

– Молодой человек, – резко останавливает лейтенант Пол, подняв руку, – кажется, вы неправильно оцениваете ситуацию.

– Мэм?

– Вас не увольняют, Пэлс. Вас повышают.

Шеф Ордлер выдвигается в косой луч света, пробивающийся через маленькое окно.

– Мы решили, что, при данных обстоятельствах и с учетом твоих способностей, тебе нужно подыскать место повыше.

Я таращу глаза, ищу слова и, наконец, нахожу их:

– Но, согласно правилам, каждый должен отслужить в патруле два года шесть месяцев и только после этого может считаться пригодным для следственного отдела.

– Мы намерены пренебречь этим требованием, – объясняет Пол, складывая рапорт и бросая его в корзину. – Думаю, мы не станем пока менять ваш разряд, оставим 401 (к).

Это шутка, но мне не смешно, я едва держусь на ногах. Пытаюсь осмыслить и подобрать слова. Выбираю из «новые времена», «повышение», «во сне было не так».

– Ну вот, Генри, – сдержанно произносит шеф Ордлер, – конец дискуссии.

* * *

Позже я узнал, что детектив Гарви Телсон, чье место я занял, преждевременно ушел в отставку, пополнив список «бегунов», которых к началу декабря набралось много. Люди уходили, чтобы заняться тем, чем им всегда хотелось: гонять на спортивных машинах, дать волю подавленным романтическим или сексуальным наклонностям, набить морду задире, донимавшему их в детстве. Детективу Телсону, оказывается, всегда хотелось участвовать в парусных гонках. На кубок Америки или что-то такое. Мне повезло.

Через двадцать шесть дней после той беседы в кабинете, через два дня после появления астероида в зоне видимости, лейтенант Пол бросила службу и уехала в Лас-Вегас к своим взрослым детям.

Тот сон, где Ордлер кладет мою руку на Библию и делает из меня детектива, больше не повторяется. Вместо него мне теперь часто снится другой.

* * *

Как заметил Дотсет, мобильная связь нынче ненадежна. Набираешь номер, ждешь и иногда пробиваешься, а иногда нет. Многие верят, что Майя искажает гравитационное поле Земли, или магнетизм, или ионизацию, или что-то такое, но, конечно же, астероид, до которого еще 450 миллионов километров, влияет на сотовую связь не больше, чем погода. Наш техник Виленц как-то объяснял мне: сотовая служба разбита на сектора – ячейки или соты – и вырубаются они целиком, один за другим. Компании теряют сотрудников, потому что не могут их оплачивать, ведь им больше не платят по счетам. У них тоже свой список «бегунов», бури сносят вышки связи, и восстанавливать их некому, а вандалы и воры срывают провода. Вот ячейки и отмирают. А обо всем прочем, вроде смартфонов и прочих игрушек, можно совсем забыть. Один из пяти крупнейших провайдеров на прошлой неделе объявил, что начинает сворачивать бизнес. В газетном объявлении этот факт представили как свободное время, «подаренное» от щедрот компании тремстам пятидесяти пяти тысячам служащих и их семьям. Там же провайдер предупредил клиентов, что в течение двух месяцев обслуживание прекратится. Три дня назад любимая Калверсоном «Нью-Йорк таймс» выбила из министерства торговли предсказание о полном коллапсе телефонной связи к концу весны. Предполагалось, что правительство готовит план национализации этого бизнеса.

– Это, – фыркнул Макгалли, – надо понимать как полный коллапс к началу весны.

Иногда я, заметив на своем телефоне хороший сигнал, тороплюсь позвонить, чтобы не упустить случая.

– Ох, ну послушайте, что вам от меня нужно?!

– Добрый день, мистер Франс. Это детектив Генри Пэлс из полиции Конкорда.

– Я вижу, кто это, вижу...

Виктор Франс, судя по голосу, на грани истерики, но он всегда так разговаривает. Я сижу в «импале» перед Роллинс-парк, в паре кварталов от места жительства Питера Зелла.

– Ну-ну, мистер Франс, успокойтесь.

– Не хочу я успокаиваться, ясно? Я вас ненавижу всей душой. Ненавижу ваши звонки, ясно?

Я на дюйм-другой отодвигаю телефон от уха, потому что из трубки льется отрывистое рычание Франса:

– Я пытаюсь жить своей жизнью, понимаете? Это что, так страшно и ужасно – жить своей жизнью?

Я мысленно представляю этого отставного бандита: черные джинсы, увешанные цепочками, перстень с черепом и костями, тощие кисти и предплечья изрисованы татуировками змей. Крысиное личико кривится в наигранном гневе: надо же, приходится отвечать на звонок, выслушивать приказы от такого ботаника-полицейского, как я! Но такова, видите ли, судьба наркоторговцев, тем более попавшихся, на последней развилке американской истории. Может, Виктор и не знает «Акта о безопасности и стабильности в период подготовки к столкновению» наизусть, но суть он уловил.

– Сегодня мне требуется от вас совсем небольшая помощь, мистер Франс. Просто немного информации.

Франс в изнеможении выдыхает «Ох-ох-ох!» и тут же, как я и ожидал, дает задний ход:

– Ну хорошо, ладно. Так что за дело?

– Вы ведь разбираетесь в машинах?

– Да, конечно. Слушайте, детектив, вам что, нужно шины подкачать?

– Нет, спасибо. В последние недели люди начали модифицировать двигатели под органическое горючее.

– Кроме шуток? Вы цены на бензин видели?

Он шумно откашливается и сплевывает.

– Я ищу машину с такой модификацией. Красный грузовик среднего размера, «форд». На борту нарисован американский флаг. Как думаете, вам это по силам?

– Возможно. А если нет?

Я не отвечаю. Ответа не требуется, Франс сам знает.

С точки зрения правоохранительных органов, ярче всего действие астероида проявилось в пике наркомании и связанных с ней преступлений, во взлетевшем до небес спросе на все виды наркотиков – опиатов, экстази, метамфетамина, кокаина. В маленьких городках и сонных пригородах, на фермах – повсюду. Даже в таких приличных местах, как Конкорд, где прежде не было серьезных проблем с наркоманами. Федеральные власти, летом и осенью потыкавшись так и сяк, остановились на строгом и бескомпромиссном соблюдении закона. «Акт о безопасности» отменил право на хабеас корпус и прочие гражданские права для подозреваемых в импорте, обработке, выращивании и распространении любых видов запрещенных веществ. Такие меры сочли необходимыми для предотвращения насильственных преступлений, сохранения стабильности и поощрения производящей экономики в оставшееся до столкновения время.

Лично я знаю текст «Акта» наизусть.

– Хорошо, хорошо, – говорит Франс, – выясню, кто водит этот грузовик. Дайте мне неделю.

– Рад бы, но не могу, Виктор. Позвоню завтра.

– Завтра? – Он преувеличенно шумно вздыхает. – Гад же вы!

Шутка в том, что травка – единственное исключение. Марихуану узаконили в тщетной пока попытке сбить спрос на более жесткие и общественно опасные наркотики. А Виктора я поймал всего с пятью граммами марихуаны, это количество вполне можно было бы оправдать хранением для личных нужд. Если бы он не попытался продать ее мне, когда я субботним вечером возвращался после ужина в «Сомерсет». Арест в подобных обстоятельствах предоставлялся на усмотрение патрульного, и в случае Франса я счел нужным воздержаться. Но на определенных условиях.

Я мог бы засадить его на шесть месяцев по статье шестой, и он это знает, поэтому испускает протяжный, шершавый вздох. Шесть месяцев – большой срок, когда это все, что вам осталось.

– Знаете, многие копы бросают службу, – намекает Франс. – Перебираются на Ямайку и тому подобное. Вы об этом не думали, Пэлас?

– Поговорим завтра.

Я вешаю трубку, прячу телефон в бардачок и завожу машину.

Никто не знает точно – даже те, кто прочел восьмисотстраничный закон от начала до конца, с выписками и комментариями, разбираясь в оговорках и примечаниях, – никто из нас на сто процентов не уверен, что подразумевает «Подготовка к столкновению». Макгалли любит повторять, что к концу сентября нам станут раздавать зонтики.

* * *

– Да?

– О... Извините, это... это «Белнап и Роуз»?

– Ага.

– У меня к вам запрос.

– Особо не надейтесь, тут не много осталось. Нас дважды грабили, а оптовые поставщики большей частью испарились. Хотите приехать, посмотреть, что осталось, – я почти всегда здесь.

– Нет, извините, я детектив Генри Пэлс из полиции Конкорда. У вас хранятся копии чеков за последние три месяца?

– Что?

– Если да, я хотел бы приехать и просмотреть их. Ищу покупателя черного фирменного ремня размера XXL.

– Это шутка?

– Нет, сэр.

– Я хотел спросить: вы шутите?

– Нет, сэр.

– Ну, дружок...

– Я расследую подозрительную смерть, и эти сведения могут быть полезны.

– Нннну, дружок!

– Алло?

* * *

Домик Питера Зелла под номером 14 в проезде от Мэттью-стрит – новое дешевое строение с четырьмя маленькими помещениями: гостиная и кухня на первом этаже, ванная и спальня наверху. Я медлю на пороге, припоминая соответствующую главу «Криминальных расследований», рекомендующую работать не торопясь, разделить дом на квадранты и заниматься каждым по очереди. Воспоминание о Фарли и Леонарде притягивает за собой воспоминание о Наоми Эддс: «Вы как будто учебник цитируете». Я встряхиваю головой, провожу рукой по усам и вхожу.

– Итак, мистер Зелл, – говорю я пустому дому, – посмотрим.

Первая четверть не требует много труда. Тонкий бежевый ковер, старый кофейный столик с кругами от чашек. Маленький, но работающий телевизор с плоским экраном, провода, змеящиеся от DVD-плеера, ваза с хризантемами, оказавшимися при ближайшем рассмотрении суррогатом из ткани и проволоки.

Большая часть книжных полок отведена профессиональным интересам Питера Зелла: математика, высшая математика, соотношения и вероятности, толстая история бухгалтерского делопроизводства, переплетенные издания Бюро трудовой статистики и Национального института здоровья. Все личное составлено на одну полку, словно в карантин: занудная НФ и фэнтези, все сезоны «Звездного крейсера „Галактика“», винтажный свод правил «Под-

земелий и драконов», книги по мифологии и философии в «Звездных войнах». Крошечная армада звездолетов подвешена на проволоке в дверном проеме на кухню, и я пригибаюсь, чтобы пройти под ними.

В шкафу девять коробок сухих завтраков, заботливо расставленных по алфавиту: «Альфа-битс», «Кэптан-кранч» и так далее. В ровном ряду между «Фростед Флейкс» и «Голден-гэмс», как выбитый зуб, зияет пропуск, и я на автомате мысленно его заполняю коробкой «Фрути пеблс». Просыпавшееся зернышко карамельно-розового цвета подтверждает мою гипотезу.

– Ты мне нравишься, Питер Зелл, – говорю я, бережно прикрывая шкаф. – Мне ты нравишься.

Еще в кухне, на пустом столике у мойки, находится стопка простой белой бумаги с надписью на верхнем листке: «Дорогая София».

Сердце у меня сбивается с ритма, и я перевожу дыхание. Затем поднимаю стопку, пролистываю ее, но больше ничего нет – только один листок со словами «Дорогая София». Почерк ровный, четкий, и чувствуется, что Питер Зелл начинал не обычную записку, а важный документ.

Я приказываю себе успокоиться, потому что, возможно, это ничего не значит. Однако мысли искрят. Не факт, что это неоконченная записка самоубийцы, но определенно нечто.

Я засовываю бумагу в карман блейзера и поднимаюсь по лестнице, гадая, кто эта София.

Спальня похожа на гостиную – такая же стерильная, строгая, с застеленной кроватью. Над кроватью висит картинка в рамке: кадр из первой версии «Планеты обезьян» с автографом. В шкафу три костюма, все тускло-коричневые, и два потертых коричневых ремня. В маленькой фанерной тумбочке, во втором снизу ящике, лежит коробка из-под обуви, плотно обмотанная изолентой и подписанная тем же аккуратным почерком: «12 375».

– Двенадцать тысяч триста семьдесят пять, – бормочу я и добавляю, – чего, интересно?

Я беру коробку под мышку и, выпрямившись, разглядываю единственную в комнате фотографию. Маленькая карточка в дешевой рамке – школьный снимок мальчика лет десяти или одиннадцати с тонкими пушистыми волосами и несмелой улыбкой. Вытащив ее из рамки и перевернув, нахожу на обороте аккуратную подпись: «Кайл, 10 февраля». Прошлого года. До...

Я по рации вызываю Триш Макконнелл.

– Эй, – спрашиваю, – вы родных потерпевшего нашли?

– Да, еще бы!

Оказывается, мать Зелла умерла и похоронена здесь же, в Конкорде, на Блоссум-хилл. Отец живет в пансионате «Приятный вид», страдает деменцией в начальной стадии. Печальное известие передали старшей сестре Питера, которая работает акушеркой в частной клинике рядом с городской больницей. Замужем, один ребенок, сын. Зовут сестру София.

* * *

На обратном пути я снова задерживаюсь на пороге дома. Под мышкой у меня обувная коробка, фото и стопка бумаги для записок. Я мысленно оцениваю эту картину, сравнивая со старым воспоминанием: полисмен, скорбно остановившись в дверях дома моего детства на Роклан-роуд, сняв шляпу, кричит в предутреннюю темноту: «Есть кто-нибудь дома?»

Я стою на лестничной площадке, в джемпере с эмблемой «Ред сокс» – или в пижамной куртке? – и думаю, что сестра еще спит, во всяком случае, надеюсь на это. Я уже догадываюсь, с каким известием пришел полисмен.

* * *

- Постой, сыщик, я сам догадаюсь, – говорит Дени Дотсет. – У нас еще одно 10–54 С.
- Собственно, не новое. Мне бы сравнить данные по Питеру Зеллу.

Я неторопливо веду «Импалу» по Бродвею. Руки на баранке, на десять часов и на два. У «Бродвей и Стоун» стоит машина штата Нью-Гэмпшир. Ее двигатель включен, голубой маячок на крыше медленно вращается, в руках водителя зажат автомат. Я бегло киваю, оторвав два пальца от руля, и он кивает в ответ.

- Какой еще Питер Зелл? – недоумевает Дотсет.

- Тот, что сегодня утром, сэр.

– Ах, да. Слушай, ты знаешь, что они назвали великий день? Когда мы узнаем, где он упадет. Девятое апреля.

- Да, слышал.

Дотсет, как и Макгалли, с удовольствием следит за всеми подробностями глобальной катастрофы. На последнем самоубийстве – не Зелла, а предыдущего – он десять минут взволнованно толковал о войне на Африканском Роге, об эфиопской армии, которая вторглась в Эритрею, чтобы в оставшееся время отомстить за древние обиды.

– Я подумал, что имеет смысл доложить вам все, что успел узнать, – говорю я. – Знаю, какое впечатление у вас сложилось утром, но мне кажется, это убийство. Действительно кажется.

Дотсет бормочет: «Это факт?» – и я, приняв фразу за согласие, отчитываюсь: инцидент в фирме на Хеллоуин, красный пикап, жгущий растительное масло, который увез потерпевшего в ночь его смерти. И свои догадки насчет ремня из «Белнап и Роуз».

Помощник прокурора отвечает на все это равнодушным «Интересно» и со вздохом спрашивает:

- А как насчет записки?

- А, нет. Записки нет, сэр.

Я предпочитаю промолчать про «Дорогую Софию» – еще не знаю, что это такое, но уверен, что не оборванное послание самоубийцы. Дотсет ведь решит, что именно оно, и скажет: «Ну вот, молодой человек, не то дерево облаиваешь». Он уже сейчас явно так думает.

– Здесь есть пара соломинок, за которые можно ухватиться, – говорит он. – К Фентон ты ведь с этим делом обращаться не собираешься?

- Собственно, собираюсь. Уже обратился. А что?

После паузы он тихо хмыкает:

- О, ничего.

- Что?

– Ну слушай, мальчик. Если ты правда считаешь, что сможешь выстроить дело, я, конечно, взгляну, только не забывай про обстановку. Ты же знаешь, народ кончает с собой направо и налево. Для такого парня, как ты описываешь – без друзей, без поддержки, – последовать за стадом вполне естественно.

Я держу рот на замке, веду машину дальше, но такой ход рассуждений мне не нравится. «Он это сделал потому, что все так делают!» Очень похоже на Дотсета – в чем-нибудь обвинить жертву: в трусости или просто в неустойчивости, которая сродни слабости. А это, если на самом деле Питера Зелла *убили* – убили и затащили в «Макдоналдс», бросили в туалете, как мясную тушу, – просто оскорбительно.

– Я тебе вот что скажу, – воодушевляется Дотсет, – мы можем сделать из этого покушение на убийство.

- Простите, сэр?

– Если это самоубийство, то ты покушаешься сделать его убийством. Отличного дня, детектив!

* * *

На Скул-стрит, на южной стороне, прямо за «Ассоциацией христианской молодежи», есть старомодное кафе-мороженое, и сегодня, похоже, у них оживленно, вопреки снегопаду и ценам. Симпатичная молодая пара, чуть за тридцать, как раз выходит из дверей с цветными трубочками в руках. Женщина осторожно машет мне – другу-полицейскому, и я машу в ответ, но мужчина смотрит мертвыми глазами без улыбки.

На Мэйн-стрит народ просто кишит. Приходи на работу, отсиживай часы за столом и надейся, что компания доживет до понедельника. Зайди в магазин, толкай тележку, надейся, что сегодня на полках найдется еда. В обеденный перерыв угости свою девушку мороженым. Ну да, конечно, кое-кто предпочитает покончить с собой, другие попадают в список «бегунов», а еще кое-кто шарит в поисках наркотиков или бродит по улицам, вывалив хозяйство, как выражается Макгалли. Только большинство «бегунов» возвращаются домой разочарованными, а многие преступники и безудержные искатели наслаждений оказываются в тюрьме и дожидаются октября в ужасающем одиночестве.

Так что да, отклонения в поведении есть, но это крайности. Главное отличие, на взгляд правоохранительных органов, в атмосфере, и его трудно определить. Я бы сравнил настроение в городе с мрачностью ребенка, который еще не наказан, но знает, что наказания не избежать. Он сидит у себя в комнате и ждет. «Вот погоди, вернется отец!» Он мрачен, огрызается, вот-вот сорвется. Смущен, невесел, дрожит в ожидании и готов на драку – не от злости, а от тревоги, которая легко может выплеснуться злобой.

Это в Конкорде. За настроения в других краях не ручаюсь, но здесь у всех оно похожее.

* * *

Я снова за своим столом на Скул-стрит, в отделе преступлений совершеннолетних. Бережно срезаю изоляцию с крышки обувной коробки, и второй раз с нашей встречи слышу голос Наоми Эддс, стоящей рядом со скрещенными на груди руками:

– Что вы, собственно, ищете?

– Вот, – отвечаю я, сняв крышку и заглянув внутрь, – это я и искал.

В обувной коробке Питера Зелла сотни газетных вырезок, журнальных страниц и распечаток из Интернета о Майя и его надвигающемся столкновении с Землей. Я беру первую вырезку с самого верха пачки. Она от 2 апреля прошлого года. Фельетон «Ассошиэйтед Пресс» по поводу Паломарской обсерватории в Кальтеке и заметка о необычном, но почти наверняка безобидном объекте, зафиксированном учеными и добавленном в список потенциально опасных в Центре малых планет. Автор завершает статью сухим сообщением, что таинственный объект неизвестного размера и состава по оценкам имеет 0,000047 процентов вероятности столкнуться с Землей, что составляет 1 к 2 128 000. Я отмечаю, что Зелл тщательно обвел кружком оба числа.

Следующей в коробке лежит статья из «Томсон рейтер», опубликованная двумя днями позже. Заголовок: «Открытый недавно объект – самый крупный за десятилетия», но сама статья довольно будничная, один абзац без цитат. В ней дается оценка величины объекта – в те первые дни его еще обозначали по астрономической номенклатуре 2011GV1. Говорится, что это один из самых крупных объектов, открытых астрономами за последние десятилетия, возможно, имеет диаметр до трех километров. Данную оценку Зелл тоже обвел тонким карандашным кружком.

Я продолжаю чтение, замороженный этой мрачной капсулой времени, пересматривая недавнее прошлое глазами Питера Зелла. Он в каждой статье обводил или подчеркивал числа – все возрастающие оценки размера Майя, угловой высоты на небосклоне, прямого восхождения и склонения, шансы на столкновение, мало-помалу ползущие вверх – неделя за неделей, месяц за месяцем. В статье «Файненшл Таймс» от начала июня об экстренных мерах федеральных властей, Европейского Центробанка и Международного валютного фонда он аккуратно выделил рамкой все колебания курса доллара и проценты падения акций. Были у него и заметки на политические темы: юридические дискуссии, экстренные законы, перетасовки постов в министерстве юстиции, финансовая поддержка ФКСД.¹

Я представляю себе Зелла – как он каждый вечер до ночи просиживает за дешевым кухонным столом, ест готовые завтраки, придерживает очки, механическим карандашом делает пометки во всех этих вырезках и распечатках, обдумывая все новые подробности бедствия.

Я выхватываю статью из «Сайентифик Америкен» от 3 сентября, крупными буквами вопрошающую: «Как мы могли не знать?» Короткий ответ, известный теперь каждому, состоит в том, что необычная эллиптическая орбита 2011GV1 проходит в пределах видимости с Земли лишь раз в семьдесят пять лет. А семьдесят пять лет назад мы не присматривались – тогда еще не было программы поиска околоземных астероидов. «75» Зелл обводил при каждом упоминании; еще он обвел «1 к 265 миллионам» – заново оцененные шансы на существование подобного объекта – и взял в кружок 6,5 километра – наиболее точную на то время оценку диаметра Майя.

Дальше «Сайентифик Америкен» углубляется в сложности: астрофизика, перигелий и афелий, усреднение орбиты и оценки элонгации. Голова у меня идет кругом, глаза болят, но Зелл явно прочитал все до последнего слова и испещрил страницы заметками, выполняя на полях зубодробительные подсчеты со стрелками к статистическим значениям и астрономическим величинам.

Я тщательно закрываю коробку крышкой и смотрю в окно, кладу ладони на коробку. Снова всматриваюсь в число, твердо выведенное на ней черным маркером. «12 375».

И снова чувствую что-то. Не знаю что, но нечто.

* * *

– Могу я поговорить с Софией Литтлджон? Это детектив Генри Пэлс из полиции Конкорда.

После паузы вежливый женский голос встревоженно отвечает:

– Это я. Но, думаю, у вас вышло какое-то недоразумение. Со мной уже говорили. Это ведь... о моем брате, да? Мне сегодня уже звонили. Мы с мужем оба отвечали на вопросы.

– Да, мэм, я знаю.

Я говорю по основной линии из отдела. Оцениваю Софию Литтлджон, представляю ее, рисую портрет по тому, что мне известно, и по тону голоса: настороженного, профессионального, сочувствующего.

– Вам сообщила прискорбное известие констебль Макконнелл. Мне очень жаль снова вас беспокоить. Я, как уже сказал, детектив, и у меня всего несколько вопросов.

Говоря, я замечаю неприятные сдавленные звуки – через комнату от меня Макгалли, обмотав шею своим черным шарфом от «Бостон-Брайнс», карикатурно давится воздухом. Я отворачиваюсь и пригибаюсь на стуле, прижимая трубку ближе к уху.

¹ Федеральная корпорация страхования депозитов (США). (Здесь и далее примечания переводчика.)

– Ценю ваше сочувствие, детектив, – благодарит сестра Зелла, – но я, право, не знаю, что еще могла бы сказать. Питер покончил с собой. Это ужасно. Мы были не так уж близки.

Сперва Гомперс, потом Наоми Эддс. И теперь родная сестра. В жизни Питера Зелла было множество «не слишком близких» людей.

– Мэм, я должен спросить, была ли у вашего брата причина вам писать? Оставлять записку, адресованную вам?

На том конце провода долгое молчание.

– Нет, – отвечает наконец София Литтлджон, – нет, не представляю.

Я делаю паузу, слушаю ее дыхание и только потом спрашиваю:

– Вы уверены, что не знаете?

– Да. Уверена. Простите, детектив, но у меня сейчас совершенно нет времени на разговор.

Я подаюсь вперед. Радиатор отопления в углу звонко чмокает.

– А завтра?

– Завтра?

– Да. Простите, но мне очень важно с вами поговорить.

– Хорошо, – после новой паузы отвечает она. – Конечно. Вы могли бы с утра заехать ко мне домой?

– Могу.

– Совсем рано. Без четверти восемь?

– В любое время. Пусть будет семь сорок пять. Благодарю вас.

Пауза. Я смотрю на телефон, гадая: то ли она положила трубку, то ли на линии снова неполадки. Макгалли походя ерошит мне волосы, в другой его руке болтается пакет с комплектом для боулинга.

– Я его любила, – вдруг говорит София Литтлджон глухо, но с силой. – Он был мой маленький братик. Я так его любила!

– Не сомневаюсь, мэм.

Я записываю адрес, вешаю трубку и еще секунду сижу, уставившись в окно, за которым все та же снежная слякоть.

– Эй! Эй, Пэлас!

Детектив Андреас скрючился в своем углу, потерявшись в темноте. Я и не знал, что он здесь.

– Как дела, Генри? – Голос у него пустой и невыразительный.

– Нормально. А у тебя?

Я вспоминаю ту искрящую паузу, то затянувшееся мгновение и мечтаю, чтобы можно было заглянуть в голову Софии Литтлджон. Хотя бы в то мгновение, пока она перебирала причины, почему ее брат написал на листке «Дорогая София».

– Я в порядке, – говорит Андреас. – В порядке.

Он смотрит на меня, натужно улыбается, и я думаю, что разговору конец, но ошибаюсь.

– Я что сказать хотел, парень, – бурчит Андреас, качая головой и глядя мимо меня. – Не понимаю, как ты умудряешься.

– Умудряюсь что?

Но он только смотрит на меня и ничего не добавляет, а с моего места кажется, что в глазах у него слезы – большие лужицы стоячей воды. Я отвожу взгляд к окну – просто не знаю, что ему сказать. Совершенно не представляю.

4

Громкий пугающий звук заполняет комнату – визжащий, яростный взрывается в темноте, – я сажусь на кровати и кричу. Он здесь, а я не готов, и сердце взрывается в груди, потому что он здесь раньше срока, уже сейчас.

Но это просто телефон. Он оглушительно трезвонит – это основная линия. Я покрываюсь потом, прижимая руки к груди, и вздрагиваю на сиротском матрасе, который называю постелью.

Это просто мой дурацкий телефон.

– Да, алло?

– Генри? Чем занимаешься?

– Чем занимаюсь? – Я смотрю на часы. Без четверти пять. – Спал и видел сны.

– Извини. Извини, но мне нужна твоя помощь. Правда, нужна, Генни.

Я тяжело дышу, капли пота застывают на лбу, ужас и смятение быстро сменяются раздражением. Конечно. Моя сестра – единственный человек, способный позвонить в пять утра, и она единственная, кто зовет меня жалким детским прозвищем Генни. Словно имя из водевиля или кличка безмозглой птахи.

– Где ты, Нико? – хрипловато спросонья спрашиваю я. – Ты в порядке?

– Я дома. Выскочила на минутку.

Дома – значит, в том доме, где мы росли, где Нико живет и сейчас. В перестроенном доме нашего деда, стоящем на полутора акрах холмистой земли у Литтл-понд-роуд. Я прокручиваю в голове список поводов, по которым сестра могла позвонить в такое безбожное время. Деньги на аренду. Ограбление. Билет на самолет. На еду. В прошлый раз у нее «украли» велосипед. Одолжила на вечеринке знакомому знакомому, а он не вернул.

– Так что случилось?

– Дерек. Он вчера вечером не вернулся домой.

Я вешаю трубку, сбрасываю аппарат на пол и пытаюсь снова уснуть.

* * *

До звонка мне снилась девочка, в которую я был влюблен в старших классах. Элисон Кечнер.

Во сне мы с Элисон гуляли под ручку по Мэйну, чудесному пригороду Портленда, заглядывали в окна букинистических магазинов. Элисон тихонько опиралась на мою руку, ее локоны – букет диких рыжих орхидей – щекотали мне шею. Мы ели мороженое, смеялись понятным нам одним шуткам, выбирали, на какой фильм сходить. В такой сон трудно вернуться, даже если удалось снова уснуть, и я не сумел.

* * *

Без двадцати восемь, ясно и холодно. Я еду по серпантину на Пилл-хилл, в фешенебельный район Западного Конкорда, выросший вокруг больницы. Это колония, со вкусом обустроенная врачами, администраторами и прочим медперсоналом. По нынешним временам многие дома патрулируются здесь частной охраной: под зимними куртками выпирают пистолеты, словно ни с того ни с сего началась Третья мировая. Но в доме 14 по Тайер-понд-роуд охраны нет, а широкий газон укутан снегом такой безупречной белизны, что мне даже стыдно топтать его своими «тимберлендами», проходя к парадной двери.

Но Софии Литтлджон дома нет. Ее спозаранок вызвали на срочный случай в больницу – муж многословно извиняется за такой оборот. Он встречается меня на крыльце в брюках хаки и свитере с воротником-хомутом. Тихий мужчина с аккуратной золотистой бородкой, с кружкой ароматного чая в руке объясняет мне, что Софию часто вызывают в неурочные часы, особенно теперь, когда большинство акушеров на ее отделении уволились.

– Только не она. Она решила до конца помогать пациентам, до самого конца. И, вы не поверите, новых пациенток полно. Меня, кстати, зовут Эрик. Не зайдете ли в дом?

Он, видимо, немного удивляется, когда я отвечаю «да».

– О, хорошо... замечательно, – отступает в гостиную и знаком приглашает меня войти.

Дело в том, что я встал и оделся за два часа до срока, спешил за новыми сведениями о Питере Зелле, а муж его сестры должен кое-что знать. Литтлджон проводит меня внутрь, берет пальто и вешает его на крючок.

– Могу я предложить вам чашку чая?

– Нет, спасибо. Я отниму у вас не больше нескольких минут.

– Это хорошо, потому что больше у меня нет, – отвечает он и дружески подмигивает, чтобы я наверняка оценил шутку. – Мне еще надо отправить сына в школу и самому быть в больнице к девяти часам.

Он указывает мне на кресло и садится сам, удобно скрестив ноги. У него широкое доброе лицо, большой дружелюбный рот. В этом человеке чувствуется сила без угрозы, он как добрый лев из мультфильма – достойный вождь своего прайда.

– Должно быть, по нынешним временам тяжело работать в полиции?

– Да, сэр. А вы работаете в больнице?

– Да, уже девять лет. Я – директор «Духовных услуг».

– О... и что это, собственно, значит?

– А... – Литтлджон наклоняется навстречу мне, сплетая пальцы. Он явно рад вопросу. – У каждого, кто входит в двери больницы, есть не только телесные потребности. Я, конечно, в первую очередь говорю о пациентах. Но также и об их родных, друзьях, и даже врачах и медсестрах. – Все это произносится гладко и уверенно, ровной скороговоркой. – Моя работа – обслуживать такие потребности, в чем бы они не проявлялись. Как вы понимаете, в наши дни у меня много работы.

Его теплая улыбка не дрогнула, но во мне слово «работа» и выразительный взгляд его больших глаз отзываются мыслью о смертельной усталости, долгих ночах, утомительных часах в попытке утешить растерявшихся, испуганных, больных.

На краю сознания мелькает картина из прерванного сновидения: хорошенькая Элисон Кечнер сидит рядом со мной, глядя в окно на заснеженные кусты кизила и черного тупело.

– Но вы, – Литтлджон резко откашливается и многозначительно смотрит на тетрадку и ручку, которые я достал и пристроил на колене, – вы хотели спросить о Питере?

– Да, сэр.

Я не успеваю задать вопрос, а Литтлджон уже говорит тем же быстрым сдержанным тоном. Он рассказывает, что его жена с братом выросли здесь же, в Западном Конкорде, недалеко отсюда. Мать умерла от рака двенадцать лет назад, а отец – в пансионате «Приятный вид», у него множество проблем со здоровьем плюс начальная стадия деменции. Очень, очень печально, но Господень промысел судить только Господу.

– Питер и София, – объясняет он, – никогда не были особенно близки, даже в детстве. Она была сорванцом, открытая миру, а он нервным, замкнутым, стеснительным. Теперь, когда оба работают, а у Софии еще и семья, они редко общались.

– Мы, конечно, выбирались к нему раз-другой, когда все это началось, но без особого успеха. С ним было довольно плохо.

Я поднимаю голову и движением пальца останавливаю ровную скороговорку Литтлджона.

– Что значит – плохо?

Он переводит дыхание, словно взвешивая, стоит ли объяснять, а я подаюсь вперед, занеся ручку над листом.

– Ну, видите ли, он был крайне возбужден.

Я наклоняю голову к плечу.

– Подавлен или возбужден?

– А я что сказал?

– Вы сказали: возбужден.

– Хотел сказать – подавлен, – поправился Литтлджон. – Простите, я на секундочку.

Он поднимается, не дождавшись ответа, и отходит на другой конец комнаты, открыв мне вид на светлую и любовно обставленную кухню: развешенные в ряд кастрюли, блестящий холодильник украшен магнитиками с алфавитом, школьными табелями и детскими картинками.

Литтлджон у подножия лестницы подбирает синий ранец и пару детских ботинок с хоккейными коньками, висевших на перилах.

– Кайл, мы там зубы почистили? – кричит он наверх. – До времени Т девять минут.

Вопль «Порядок, пап!» скатывается по ступеням, за ним мелко стучат шаги, шумит кран, распаивается дверь. В дверном проеме, как в раме, картинка с тумбочки Зелла – несмело улыбающийся паренек. Насколько я знаю, школы Конкорда продолжают работу. Об этом была статья в «Монитор»: преданные своему делу учителя, учение ради учения. Даже на журналистском фото заметно, что классы наполовину пусты, если не на три четверти.

Литтлджон возвращается в кресло, приглаживает ладонью волосы. Коньки у него на коленях.

– Парень – хоккеист. Ему десять лет, а катается как Мессье, я не шучу. Мог бы со временем выступать за НХЛ, сделал бы меня миллионером. – Он мягко улыбается. – В альтернативной Вселенной. На чем мы остановились?

– Вы описывали душевное состояние Питера.

– Да-да. Я вспоминаю нашу летнюю встречу. Мы устроили барбекю: сосиски, пиво и все прочее. Питер никогда не был особо общительным, но тут стало ясно, что его окончательно накрыла депрессия. Здесь и не здесь, если вы меня понимаете.

Литтлджон глубоко вздыхает, обводит взглядом комнату, словно боится, что призрак Питера Зелла его подслушает.

– Знаете, честно говоря, после того раза мы не хотели, чтобы он общался с Кайлом. Все это достаточно тяжело для мальчика... – Голос у него срывается, он прокашливается. – Простите.

Я киваю, пишу и быстро соображаю.

Итак, что мы имеем? Человека, который на работе выглядит в целом бесстрастным, не поднимает головы, не выказывает реакции на грядущее бедствие, кроме одного срыва на Хеллоуин. Потом выясняется, что он скопил полную и всеохватную подборку сведений по астероиду, что он втайне одержим тем, от чего отмахивается на людях.

Теперь выясняется, что, если верить мужу его сестры, вне офиса он был не только неравнодушен, но и одержим до самозабвения. Такой вполне мог лишиться себя жизни.

«Ох, Питер, – думаю я, – что бы ты, друг, рассказал сам?»

– А это настроение, депрессия, не облегчалась в последнее время?

– Ох, нет! Господи, нет, наоборот! Становилось все хуже, начиная с января. С последнего определения.

Последнее определение. Он говорит об интервью Толкина во вторник третьего января в «Особых репортажах CBS-ньюс». Более полутора миллиардов зрителей по всему миру. Я минуту молчу, слушая, как наверху бодро топает Кайл. Потом решаюсь – какого черта? И, достав из кармана, подаю Эрику Литтлджону маленький белый листок.

– Что вы можете сказать об этом?

Я смотрю, как он читает: «Дорогая София».

– Откуда это?

– На ваш взгляд, это почерк Питера Зелла?

– Несомненно. В смысле, мне так кажется. Как я уже говорил...

– Вы не слишком хорошо его знали.

– Именно.

– Он хотел написать вашей жене перед смертью и передумал. Вы не знаете, о чем он мог писать?

– Ну, напрашивается предположение о письме самоубийцы. Незаконченном. – Он поднимает голову, заглядывает мне в глаза. – Что же еще?

– Не знаю, – говорю я и, встав, прячу тетрадку. – Большое спасибо, что уделили мне время. И, пожалуйста, передайте Софии, что я еще раз позвоню, чтобы назначить время для разговора.

Эрик тоже встает, хмурит лоб.

– Вам все-таки нужно с ней поговорить?

– Да.

– Конечно, хорошо, – он со вздохом кивает. – Для нее это испытание. Все это. Но я, конечно, передам.

Я сажусь в «Импалу», но никуда пока что не еду. Около минуты сижу перед домом, пока Литтлджон не выходит с Кайлом на лужайку, покрытую нетронутым снегом, как глазурью на кремовом пирожном. Нелепый десятилетка в больших, не по росту, зимних сапожках, острые локти рвутся сквозь пухлые рукава непродувайки.

Глядя на карточку в квартире Зела, я, помнится, думал, что ребенок обычный, средненький. Но теперь я меняю прежнее мнение, увидев его глазами отца: принц танцующим шагом проходит по снегу под утренним солнцем.

* * *

Отъезжая, я вспоминаю интервью Толкина и представляю Питера Зелла в тот вечер. 3 января, вторник, он уже вернулся с работы, сидит в своей стерильно-серой гостиной и смотрит маленький телевизор.

2 января астероид 2011GV1, известный как Майя, вышел, наконец, из соединения с Солнцем и снова наблюдается с Земли. Он теперь достаточно близок и ярок, чтобы ученые ясно его рассмотрели, собрали новые данные. Узнали наверняка. Наблюдения лились потоком, компилировались и обрабатывались в одном из центров NASA, в лаборатории реактивной тяги в Пасадене. Державшееся с сентября соотношение пятьдесят на пятьдесят должно было уточниться – до ста процентов или до нуля.

И вот Питер Зелл сидит на диванчике в гостиной, разложив перед собой последние материалы по астероиду. Все научные выкладки и тревожная аналитика выкипают, оставляя осадок из предсказаний и молитв: да или нет? CBS выиграла войну за телезрителя. Если конец света еще не конец, они будут снимать урожай высочайших рейтингов не один год. Они подробно представляют Леонарда Толкина, главного инженера ЛРД, человека, руководившего окончательными расчетами. «Я буду первым, – обещал он тремя неделями раньше

Дэвиду Леттерману, в улыбке подергивая губами, – от кого вы услышите доброе известие». Сейчас государственный астроном в очках и лабораторном халате выглядит бледным.

В нижнем правом углу экрана показывают отсчет времени, а рядом прокручиваются мелкие кадры: Толкин идет по институтскому коридору, выводит колонки цифр на доске, склоняется вместе с подчиненными к компьютерному экрану.

А маленький, пухлый, одинокий Питер Зелл сидит у себя дома, молча смотрит, окружив себя вырезками, примостив очки на нос, сложив руки на коленях.

Программа выходит в прямой эфир. Показывают ведущего, Скотта Пелли, с квадратным подбородком, солидной сединой, серьезным, словно созданным для телевизора, лицом. Пелли, представляя собой весь мир, наблюдает, как Толкин выходит с решающего совещания, зажав под мышкой пачку бумажных папок, сдергивает очки в роговой оправе и рыдает.

Сейчас, медленно проезжая в сторону ресторана «Сомерсет», я пытаюсь восстановить в памяти чужие чувства, понять, что именно испытал в тот момент Питер Зелл. Вот Пелли склоняется к астроному, он весь – сочувствие, он задает чудовищно глупый вопрос, который необходимо услышать всему миру:

– Итак, доктор, каковы наши шансы?

Доктор Лео Толкин содрогается, как будто от смеха:

– Шансы? Никаких шансов.

И Толкин начинает говорить. Болтает без умолку, извиняется от лица всего астрономического сообщества, что это событие не было предсказано. Говорит, что они рассматривали все вероятные сценарии: малый объект без заблаговременного предупреждения, крупный объект с заблаговременным предупреждением, но подобного и вообразить не могли – объект с таким близким перигелием, с такой небывало длинной эллиптической орбитой, такой потрясающе большой! Шансы на само существование подобного исчезающе малы, с точки зрения статистики он просто не может существовать. А Скотт Пелли смотрит на него и погружает весь мир в горестную истерику.

Потому что больше – никакой двусмысленности, никаких сомнений. Все становится просто делом времени. Вероятность столкновения сто процентов. С 3 января шансов нет.

Многие не отлипали от телевизоров и после окончания программы, глядя, как ученые мудрецы, политики и профессора астрономии заикаются, плачут и противоречат друг другу по разным кабельным каналам, дожидаясь обещанного обращения президента к нации, которое на деле вышло только на следующий день после полудня. Многие бросились к телефонам – звонить любимым, но все линии были перегружены и оставались забытыми еще несколько недель. Другие вышли на улицы, забыв о мерзкой январской погоде, ища сочувствия у соседей или незнакомцев или занимаясь мелким вандализмом и хулиганством, – этот тренд держался долго и достиг пика, по крайней мере в Конкорде, вылившись в микробунт на Президентский день.²

Лично я выключил телевизор и пошел на службу. Я четвертую неделю был детективом, я работал над делом о поджоге и сильно подозревал, как и подтвердилось впоследствии, что следующий день выдастся для полиции напряженным.

Но вопрос в том, что произошло с Питером Зеллом? Что сделал он, досмотрев программу? Кому звонил?

По сумме голых фактов получается, что, при всей видимой браваре, Зелл отчаянно жалел о предстоящей гибели Земли. Учитывая этот факт, нетрудно представить, что вечером 3 января, узнав по телевизору плохую новость, он из отчаяния нырнул в глубокую депрес-

² «День президентов», «День рождения Вашингтона» – федеральный праздник США, который празднуется каждый третий понедельник февраля.

сию. Одиннадцать недель с тех пор он существовал в тумане ужаса и наконец два дня назад повесился на ремне.

Зачем же я мотаюсь по Конкорду, вычисляя его убийцу?

Я паркуюсь на стоянке «Сомерсет», на трехсторонней развилке дорог на Клинтон, Юг и Доуинг. Глядя на размятый колесами и ногами снег, сравниваю эту бурю кашу с нетронутым покрывалом на лужайке перед домом Литтлджонов. Если Софию в самом деле вызвали этим утром, она из дома в больницу либо катапультировалась, либо телепортировалась.

* * *

Первое, что видишь, входя в «Сомерсет», – стена, увешанная фотокарточками, на которых кандидаты в президенты пожимают руку Бобу Галицки, бывшему владельцу, ныне покойному. Здесь фото бледного Дика Никсона, напряженного и неубедительного Джона Керри, протянувшего руку как отломанную деталь машины. Здесь Джон Маккейн с его улыбкой черепа. И Джон Кеннеди, невероятно молодой, невероятно красивый и обреченный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.